

Л. А. Чарская

Дом шалунов

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-053.2
ББК 84-4

Л. А. Чарская

Дом шалунов / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 118 с.

ISBN 978-5-4241-1741-1

Повести Чарской заставляют детей сопереживать героям, учат не бояться страданий и в любой ситуации оставаться честными. Во всех ее книгах неизменна вера в то, что рано или поздно злые силы потерпят поражение, а добро победит.

Книга знакомит читателей с малоизвестной повестью Лидии Чарской "Дом шалунов".

...Малыш Ника потерялся и после долгих мытарств попал в необычную школу-пансион, где перевоспитывают проказников из богатых семей. В "Доме шалунов" ни дня не проходит без розыгрышей и каверз. Добрый и отзывчивый мальчик покоряет сердца пансионеров и воспитателей и, в конце концов, находит свою семью.

ISBN 978-5-4241-1741-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том двадцатый

Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Дом шалунов

Предисловие

Что детям свойственны шалости — знают все. Но шалости бывают разные. Бывают и невинные, причина которых ревность и неумение предвидеть последствия своих проделок, выдуманных иногда ради шутки; бывают и такие шалости, которые свидетельствуют о том, что дети более или менее испорчены, что они нуждаются в особенно внимательном воспитании, а иногда даже и в лечении.

Скрывать от детей проделки их сверстников из ложного опасения, что дети, узнав, как шалят их товарищи, сами начнут шалить, — нет ни малейшего основания. Напротив, с воспитательной точки зрения нужно показать юным шалунам и веселым резвушкам неприглядную сторону их шалостей (без скучных нравоучений, которые редко достигают цели и наводят на детей лишь тоску).

С другой стороны, нельзя не учитывать и того, что у юных читателей ничто другое не вызывает такого искреннего, сердечного смеха, как описание невинных шалостей. И этот смех не влияет нежелательным образом на хорошего ребенка, а иного шалуна может даже исправить.

Эти соображения легли в основу предлагаемой книги, которая вводит юного читателя в мир маленьких проказников — в пансион, куда отданы на воспитание и исправление юные шалуны; здесь они встречают не строгое обращение со стороны наставников, а, напротив, доброе, сердечное отношение. На их шалости смотрят не как на преступление, а как на необдуманные поступки недостаточно еще окрепших умов.

Мир этих шалунов является в этой книге только фоном, на котором развиваются грустная повесть о случайно попавшем в эту среду мальчике с добрыми задатками. Юный читатель найдет здесь множество типов маленьких проказников, узнает об их радостях и невзгодах. И, возможно, не одно детское сердечко проникнется добрыми чувствами, познает собственные пороки и недостатки и, быть может, прольет даже слезу над судьбою невинных жертв шалостей и проказ.

Дети легче воспринимают и глубже переживают впечатления; большинство из них примет рассказ за действительность, и нам кажется, что, прочтя эту книгу, они, с одной стороны, будут вспоминать, к чему иногда приводит грубая, неуместная шутка, а с другой — научатся видеть в каждом «чужом» мальчике или «чужой» девочке своего близкого, брата или сестру.

Глава 1

Пропал мальчик. Горе маленького семейства. Никин барашек. Нику похищают

«Хорошенький, черноглазый, с золотистыми кудрями мальчик по имени Ника, трех лет, пропал между 2-мя и 4-мя часами дня, во время прогулки, близ городского сада. Всех встретивших малютку убедительно просят дать знать его матери, которая живет на Энской улице, в доме № 3, кв. 24.

Молодая дама протянула бумажку, на которой было написано о пропаже мальчика, сидевшему за конторкой пожилому конторщику в очках.

— Пожалуйста, нельзя ли напечатать это объявление в завтрашнем номере газеты, — сказала она дрожащим голосом.

Конторщик с удивлением взглянул на бледную молодую даму с заплаканными глазами, прочел внимательно бумажку и спросил:

— Это ваш сынок пропал, сударыня?

Молодая дама не в силах была ответить. Слезы душили горло, руки тряслись, она поминутно вздрагивала. Вместо ответа она закрыла лицо руками и зарыдала.

В конторе газеты было много народа. Все окружили рыдавшую. Начались расспросы, советы, утешения. А молодая дама все плакала и плакала. Она могла только бессвязно пояснить, что пропал ее Ника, ее дорогой мальчик, радость и утешение, пропал во время прогулки.

Какая-то добрая старушка протиснулась ближе всех к молодой даме и, дружески похлопывая ее по плечу, проговорила:

— Не плачьте, голубушка. Отыщется ваш мальчик. Выпейте водички, успокойтесь и поезжайте с Богом домой. Завтра, как только люди прочтут в газете ваше объявление, те, кто нашел малютку, приведут его к вам. Верно, приведут. Плакать не надо. От слез только заболеете, чего доброго. Выпейте-ка водички лучше, милушка моя.

Голос старушки вселял надежду даме, что ее ненаглядный мальчик в самом деле найдется. Она вытерла слезы, выпила воды и, поблагодарив старушку, расплатилась за объявление и вышла на улицу, где, взяв извозчика, велела ему ехать на Энскую улицу.

Ей теперь почему-то казалось, что ее Ника уже найден и ждет дома. И она торопила извозчика ехать скорее. Извозчик хлестал свою чахлую лошаденку, пролетка мягко подпрыгивала по ровным мощеным улицам, а сердце молодой дамы сильно билось в ожидании встречи с потерянным сынишкой.

* * *

Динь! Динь! Динь! — заливается колокольчик. — Динь! Динь! Динь!

Старушка только что поставила вариться манную кашку и мешала в кастрюле большой серебряной ложкой, как неожиданный звонок заставил ее задрожать с головы до пяток.

— Господи! Никак привели Никушку! — вырвалось у старушки, и она кинулась в переднюю.

Трах-тах-тах! И тяжелый крюк с грохотом отскочил от двери под трепещущей рукой старушки. Дверь распахнулась. На пороге стояла молодая дама, которая только что отнесла в газету объявление о потерянном мальчике.

— Не нашли нашего Никушку? — спросила старушка-няня.

Рыдания подступили к горлу молодой дамы. Сердце сжалось сильнее, мучительнее...

Вдруг распахнулась дверь, и худенький, остриженный под гребенку мальчик вбежал в прихожую.

У мальчика было некрасивое личико, капризные губы и темные глазенки, глядевшие исподлобья. Ему было не больше пяти лет.

Это был брат пропавшего Ники по имени Жоржик.

— Мамочка! Когда же наконец найдется Ника? — заговорил мальчик, обращаясь к молодой даме, — мне не с кем играть. Мне скучно! Фроська плачет,

уткнувшись носом в угол, а няня занята на кухне и тоже плачет. Я отлично слышал, как она всхлипывала и сморкалась. А мне так хочется играть в солдатики, мама! Вели же Фрольке перестать плакать и прикажи ей заниматься со мной!

Екатерина Александровна (так звали молодую даму) с грустью взглянула на мальчика.

"Как может он играть и веселиться, когда такое горе постигло всю семью?" — подумала она, но тотчас же утешила себя тем, что Жоржик еще слишком мал, чтобы понять то, что случилось. И она тут же предложила ему поиграть с ним в солдатики. Жорж запрыгал от радости. Еще бы! Ведь маме, занятой службой, редко приходилось играть с ними — детьми.

И, крепко вцепившись в руку матери, он потащил ее к себе.

* * *

В маленькой комнате, где жили Ника и его брат Жоржик, солнце заливало розовые обои. Две кроватки стояли у стены, накрытые пикейными одеяльцами. На одной из кроваток лежал белый барашек, чуть-чуть замазанный, — любимая игрушка пропавшего Ники.

Еще так недавно Ника целовал и ласкал своего игрушечного барашка, кормил его кашей во время завтрака и укладывал спать в постельку рядом с собою. А теперь? Где-то он, милый, маленький, ласковый Ника?

Глаза Екатерины Александровны затуманились слезами. В углу послышалось сдержанное рыданье. Это плакала Фролька, положив на подоконник свою огненно-рыжую вихрастую голову.

Фрольке было всего 15 лет, и ее веснушчатое лицо казалось совсем еще детским.

Екатерина Александровна не могла взять более солидную, нежели Фролька, прислугу на помощь няне. Взрослая девушка потребовала бы и большую плату. А у Екатерины Александровны денег было в обрез. Оставшись вдовою, она поступила на службу в управление одной из железных дорог. На небольшое жалованье она содержала теперь всю семью, нанимала крошечную квартирку в три комнаты, платила жалованье Фрольке. Старушка-няня после смерти папы от жалованья отказалась, видя, как тяжело приходится молодой женщине, которую она вынужила в свое время. Няню никто и не считал прислугой. На нее смотрели как на родную. Пока Екатерина Александровна бывала на службе, няня ходила на рынок или стряпала завтрак и обед, а детей нянячила Фролька. По большей части они гуляли в это время в городском саду, с двух часов до самого обеда. Пошли гулять туда и накануне, все трое: Жоржик, Ника и Фролька. А вернулись только Жоржик с Фролькой вдвоем: Ника пропал!

Екатерина Александровна, узнав о случившемся, побледнела и залилась слезами. Позвали дворников, велели им искать Нику. Позабыв про обед, сама Екатерина Александровна поехала в полицию заявить о пропаже Ники. Потом вернулась домой, отдала какие-то приказания и, взяв извозчика, вдвоем с няней снова поехала искать Нику по всему городу. Вернулись поздно ночью, обе заплаканные, измученные. Вернулись без Ники.

Фрольку не упрекали, не брали. Только Екатерина Александровна не могла ее видеть больше и все махала на нее рукой, чтобы Фролька к ней не подходила. Фролька голосила на весь дом, как в деревне бабы голосят над покойниками. Всю

ночь никто не ложился, все ждали Нику. Вот-вот, думали, приведут. Дрогнет звонок, и он вбежит, такой черноглазый, розовый, хорошенъкий. Но никто не приводил Нику.

Слезы падали из глаз Екатерины Александровны на оловянных солдатиков. Жоржик разделил войско на две половины: красных гусариков взял себе, желтых драгун отдал маме. Своих гусариков Жоржик расставил, а мамины драгуны все еще лежали, сваленные в кучу. Мама точно совсем позабыла об игре.

Жорж надулся. Он заметил, что не на солдат вовсе, а на Никиного барашка смотрит, не отрываясь, мама. И Жорж закарапизничал, заныл:

— Не хочу играть! Не буду! Разве это игра? Гусары выстроены в две шеренги, а драгуны лежат, точно раненые, когда они стоять должны. Нехорошо это! Не хочу!

И Жорж заплакал.

Фроська вскочила с подоконника, подбежала к Жоржу и повела его в гостиную, уговаривая по дороге:

— Не плачь, золотце, не плачь, кисонька, не плачь маленький, не то маме еще горше станет! Молчи!

Но маме не могло быть горше от слез Жоржика. Мама, казалось, и не слышала его плача. Ее глаза все смотрели и смотрели на беленького барашка.

Лишь только Жоржик и Фроська скрылись за дверью, как Екатерина Александровна подбежала к Никиной постельке, схватила барашка и, прижав его к груди, залилась слезами.

— Господи! — прошептала она. — Ты добр и милосерден, верни мне Нику! Верни мне его, Господи, моего мальчугашку, крошку моего ненаглядного, птичку мою! Верни мне его! Никушка, малюточка моя! Детка моя крохотная! Золотой ты мой птенчик! Сердечко мое, где ты? Где ты, птичка моя?

* * *

Хорошенъкий мальчик, с черными вишенками-глазами, с длинными мягкими, как лен, кудрями, стоял перед клумбой городского сада.

Вот так цветочки! Каких тут только нет! И голубенькие анютины глазки, и плутоватый душистый горошек, который кажется таким простеньким и скромным на вид, а как хорошо пахнет! А вот и белые левкои. И еще много-много других красивых цветов, названия которых мальчик не знает.

В золотокудрой головенке мальчика является мысль: нарвать цветов маме и поставить их перед ее прибором в стакане с водою. "Вот-то обрадуется мама! Вот расцелует-то своего Никушку!" — думает мальчик.

Он даже причмокивает от удовольствия и собирает цветы в букет: беленъкие к беленъким, красные к красным, голубые к голубым.

Этот мальчик, собирающий букет для мамы, — Ника. Он пришел вместе с Фроськой и Жоржиком. Но Фроська заболтала с подругами, молодыми няньками, а Жоржик играет в мяч с нарядной девочкой в розовом платье на садовой площадке, и обоим в эти минуты очень мало дела до Ники. А Ника и рад.

Один, другой, третий. Еще, еще и еще. Ах, сколько он уже нарвал цветочков. Маленькие ручонки едва удерживают огромный пучок.

И вдруг над ухом его раздается грозный голос:

— Как ты смеешь рвать цветы, негодный мальчишка! Вот я тебе задам! Постой

ты у меня!

Перед Никой вырастает человек с бородою, в сером кафтане, с блестящими пуговицами и с толстой палкой в руках.

Ника знает, кто этот человек. Это садовый сторож. Когда они с Жоржем расшалиются в саду, Фроська им говорит постоянно: "Вот погодь-ка! Отдам сторожу. Он тебя отучит шалить!"

Ника очень боится сторожа. Да и нельзя его не бояться: сам он огромный, и борода у него огромная, и палка тоже. И вот они теперь обе перед ним: и палка, и борода.

Сторож грозно смотрит на Нику. Вот-вот он поднимет палку и...

Ника роняет цветы и бежит. Бежит по клумбе, по цветам, по хорошенъкой паухчей куртине к выходу из сада. Ему все кажется, что сторож гонится за ним. Но сторож и не думает гнаться. Он попугал только мальчика и теперь занялся исправлением клумбы, потоптанной маленькими ножонками Ники. А Ника все бежит да бежит. Он бежит, не оглядываясь, по широкой улице, где в этот час мало пешеходов. Да и те, которые встречаются ему, и не думают остановить Нику.

— Ишь бежит сердечный, верно няньку догоняет! — говорят они мимоходом, улыбнувшись красивенькому мальчику, и спешат дальше.

Ника бежит. Вот повернул направо, вот налево. Опять направо. Опять бежит. Широкая улица стала узкой. Или это другая?

Домов становятся меньше. А дальше — поле, какие-то постройки и огороды, река. Никина мама живет на самой окраине города, где квартиры значительно дешевле, и немудрено поэтому, если маленький Ника в какие-нибудь четверть часа очутился на самом краю Петербурга.

При виде реки Ника почувствовал, что ему хочется пить. И в крошечной головке мелькнула мысль: спуститься к речке, лечь на ее бережку и напиться прямо из реки так, как пьют собачки и лошади. Это очень забавно и весело! Задумано — сделано. Но берег крутой и скользкий, ножонки Ники скользят по траве, покрывающей его. Он хочет уцепиться за что-нибудь, но не может, скатывается и, помимо собственной воли, бежит вниз к реке. Вот и вода. Близко-близко. Мальчик уже не может остановиться и все катится, катится к воде.

— Ах!

Две цепкие, загорелые руки схватывают Нику и высоко поднимают над самой рекой. Еще минута, и маленький Ника утонул бы в быстрых холодных волнах.

Руки крепко прижимают мальчика к груди.

Над ним склоняется загорелое лицо крестьянки, повязанное черным платком. Ее светлые глаза ласково глядят на удивленного Нику.

— Не бойся, сыночек, не бойся! Худого тебе ничего не сделает тетка Матренка. Кабы не я, потонул бы ты, сердечный, свалился бы вниз и поминай как звали. Небось, жалко такого красивенького парнишку. Глянь-ка на меня, сынок! А и хорош же ты, маленький. Волосики-то что лен: мягкие, золотом отливают. А глазенки-то, глазенки! Ишь ты! Чего смотришь, дурачок? Ты тетке Матрене Самим Господом Богом послан. Да! Таких ребяток на утешенье людям Господь дает! Как моего Митюшку я хоронила, так думала от слез помру. А вот, вишь,

другого Митюшку Господь мне дает! Поедем со мною в деревню, сынок. Любить тебя, холить буду. И мужу беречь велю заместо сынка, то есть Митюшки нашего, покойничка. То-то заживешь у нас, сынок.

И, говоря это, Матрена сжимала все крепче и крепче в своих объятиях Нику, покрывая поцелуями его нежные щечки, розовые губки и пышные волны золотых кудрей.

Но Нику были неприятны ласки чужой ему женщины. Сухие, потрескавшиеся губы женщины кололи его. Ее грубый голос неприятно звенел в ушах.

Нику разом представилась другая женщина: нежная, молоденькая, с мягкими душистыми ручками, с нежным голосом и нежными поцелуями, — ему вспомнилась мама.

— К маме хочу! — неожиданно закричал он и горько заплакал, затрепетав всем телом.

— Нет у тебя нынче другой мамы, кроме меня! Слышишь? — сердито крикнула крестьянка и, зажав своей грубой ладонью ротик Нику, еще крепче прижалась его к себе.

Мальчик успокоился поневоле.

Тогда женщина закрыла его с головой теплым байковым платком и куда-то понесла, несмотря на то, что Ника старался вырваться из ее цепких рук.

Глава 2

Отъезд в деревню. Нику ищут. Через шесть лет. Миколка. Волк

Матрена принесла Нику в избушку, одиноко стоявшую на окраине большого города. В избе жил кум Матрены, огородник Вавила, со своею семьей. У них останавливалась Матрена, когда привозила в город на продажу деревенский холст.

Вавила, его жена и дети очень удивились при виде красавчика-барчонка, принесенного кумом к ним в избу.

— В деревню к себе повезу. Заместо сынка, Митюшки моего, — пояснила им Матрена. — Сам Господь, видно, послал мне этого мальчика, не иначе как Он. Под старость кормить нас с Кузьмою будет сыночек мой богоданный!

— А полиции не боишься разве? Небось, это вроде кражи выходит. Чужого ребенка ведь ты украла, Матрена! — заметил куме Вавила, умный, рассудительный мужик.

Но Матрена только рукой махнула.

— Чего украла? Как украла? Что ты говоришь-то? Бог с тобою! Господь послал. Вот и все!

Она тотчас же стала собираться в дорогу.

Переодела Нику в деревенское платье, купленное ею тут же у огородника и принадлежавшее до сих пор его младшему сынишке. Потом строго наказала Нику называть ее «мамкой» и, покормив его досыта молоком с хлебом, попрощалась с семьей огородника и отправилась в путь.

Ехали они долго. Сначала по конке, потом в трамвае, наконец, приехали на вокзал и сели в вагон. И опять ехали весь остаток дня и целую ночь вплоть до утра. Нику ничего не понимал, не видел и не слышал. Он крепко спал, измученный слезами и тоскою по своей маме, которую горячо любил.